

Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія харьковской губерніи.

(Матеріалы по вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи).

(О к о н ч а н і е *).

12) Спеціальный законъ о старозаимочныхъ земляхъ.

Спустя годъ послѣ окончанія кадастра, наше законодательство обратило наконецъ спеціальное вниманіе на старозаимочныя земли. Законодательная разработка этого вопроса съ 1854 г. возбуждала была нѣсколько разъ, длилась въ продолженіи одинадцати лѣтъ и позднѣйшее слово закона по этому вопросу было сказано только въ 1865 году. Начало этихъ законодательныхъ работъ было вызвано однимъ частнымъ дѣломъ по харьковской или воронежской губерніи, причѣмъ государственный совѣтъ панель, что войсковые обыватели пользовались старозаимочными землями, какъ своею собственностію. Еще раньше, именно въ 1838 году, на разрѣшеніе сената восходило вопросъ о земляхъ сего рода, находящихся въ чертѣ г. Харькова; сенатъ также призналъ, что „обыватели этого города землями, принадлежащими имъ по старымъ запискамъ и крѣпостямъ, могутъ располагать какъ своею собственностію“, направленіе сенатской судебной практики по этому вопросу, задолго предудревнившее законодательное разрѣшеніе этого вопроса, относясь къ отдѣльнымъ и, быть можетъ, весьма скромнымъ по цѣнности гражданскимъ дѣламъ, не имѣло, какъ видно, никакого вліянія на административную практику, такъ энергично принявшуюся за превращеніе старозаимочныхъ земель въ казенныя и общинныя почти съ самаго

*) См. «Кіев. Ст.» на 1882 г., м. ноябрь и декабрь, и на 1883 г., генв. и мартъ.

начала текущаго столѣтія. Нельзя не цѣнить той правильной постановки этого дѣла, какая впервые дава ему государственнымъ совѣтомъ. „Принявъ во вниманіе, говорится въ мнѣніи его 21 февр. 1865 г., особенную важность сего дѣла, касающагося правъ многочисленнаго сословія войсковыхъ обывателей, и ту осторожность, съ которою должно вообще прикасаться къ древнимъ правамъ владѣнія, государственный совѣтъ, не приступая къ разрѣшенію вопроса о старозаимочныхъ земляхъ, высочайше утвержденнымъ 6 декабря 1854 г. мнѣніемъ предоставилъ II отдѣленію собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи права на упомянутыя земли, какъ войсковыхъ обывателей, такъ и лицъ вышедшихъ изъ этого сословія, сообразить предварительно съ историческимъ ихъ происхожденіемъ и съ постановленіями правительства, въ разное время по сему предмету изданными, и за тѣмъ, снесясь съ министерствами государственныхъ имуществъ и юстиціи, представить свое мнѣніе“. Собранныя II отдѣленіемъ свѣдѣнія обнаружили, что „войсковые обыватели, изъ которыхъ образовались бывшіе слободскіе полки (въ дѣйствительности было наоборотъ: козаки слободскихъ полковъ были переименованы въ войсковыхъ обывателей), заселивъ пограничную Украину по вызовамъ правительства и по собственному желанію, занимали тамъ земли и пользовались ими не на помѣстномъ правѣ, а на правѣ полной частной собственности, сохраняли это право по выходѣ въ иное званіе, могли оставлять старыя займы и переходить на новыя свободныя земли, вольны были продавать своей же братѣ, украинскимъ служилымъ людямъ и постороннимъ, могли закладывать, отдавать въ приданое дочерямъ, завѣщать и пр., и такія ихъ права въ теченіи 150 лѣтъ неоднократно были признаваемы правительствомъ“.

На основаніи этой официальной разработки вопроса состоялось уже 30 марта 1859 г. новое высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, который принялъ заключеніе министра государственныхъ имуществъ (вошедшее послѣ въ примѣчаніе къ 861 ст. IX т. зак. о сост. и къ 783 ст. X т. ч. 1 по прод. 1863 г.), состоявшее въ томъ, что „войсковые обыватели могутъ отчуждать, кому они пожелаютъ, только тѣ старозаимочныя земли, которыя приобрѣтены покупкою до 30 марта 1859 г.“ Такая странная редакція закона заключала въ себѣ уже новыя готовые недоразумѣ-

нія, ибо, во 1-хъ, въ ней говорилось о земляхъ приобретенныхъ только покупкой и ничего не упоминалось о массѣ старозаимочныхъ земель, которая съ незапамятныхъ временъ переходила изъ поколѣнія въ поколѣніе по наслѣдству; а, во 2-хъ, неизвѣстно почему право отчужденія старозаимочныхъ земель признано только за землями купленными до 1859 г. Поэтому вполнѣ естественно, что изложенное выше мнѣніе государственнаго совѣта возбудило на практикѣ недоразумѣніе, давшее поводъ къ вторичному пересмотру сего дѣла, при которомъ II отдѣленіе, между прочимъ, объявило: „во 1-хъ, что старозаимочныя земли всегда состояли во владѣніи войсковыхъ обывателей на правѣ не помѣстной, а полной частной собственности, и во 2-хъ, что войсковымъ обывателямъ харьковской губерніи слѣдовало-бы предоставить лично и въ составѣ обществъ право отчуждать не только войсковымъ-же обывателямъ, но всякаго званія лицамъ старозаимочныя земли, першедшія къ нимъ по наслѣдству отъ предковъ и составляющія ихъ собственность, какъ скоро эти земли принадлежатъ имъ на правѣ полной собственности, а не даны лишь въ пользованіе отъ казны“. Государственный совѣтъ призналъ такое заключеніе правильнымъ и на семъ основаніи высочайше утвержденнымъ 24 февраля 1864 г. мнѣніемъ онаго, въ замѣну закона 30 марта 1859 г., постановилъ: „всѣ вообще старозаимочныя земли войсковыхъ обывателей харьковской губерніи, коль скоро они принадлежатъ имъ на правѣ полной собственности, а не даны имъ лишь въ пользованіе отъ казны, дозволяется симъ обывателямъ отчуждать лично и въ составѣ обществъ людямъ всякаго званія. Въ случаѣ-же неизмѣнія у кого либо законнаго документа о полной принадлежности ему таковой земли въ собственность, для совершенія акта о ея отчужденіи требуется представленіе удостовѣренія харьковской палаты государственныхъ имуществъ о томъ, что отчуждаемая земля не принадлежитъ къ разряду казенныхъ“.

Послѣ краткаго историческаго обзора прежнихъ законодательныхъ мѣръ по этому вопросу, цитируемое нами послѣднее мнѣніе государственнаго совѣта (1865 г.) говоритъ, что его мнѣнія 1859 и 1864 годовъ „вовсе не устанавливали закона новаго, а только разъясняли и подтверждали смыслъ прежняго закона“ (какого—неизвѣстно), и поэтому въ послѣднемъ своемъ мнѣніи 1865 г. государственный совѣтъ призналъ, что сила законоположеній 1859 и

1864 годовъ „должна обнимать вполнѣ старозаимочныя земли не только въ харьковской губерніи, которыя собственно при этихъ мѣнѣяхъ имѣлись въ виду, но даже и въ воронежской губерніи и во всѣхъ прочихъ губерніяхъ, гдѣ-бы таковыя земли могли оказаться“, а потому „всѣ вообще старозаимочныя земли войсковыхъ обывателей, коль скоро они принадлежатъ имъ на правѣ полной собственности, а не даны имъ лишь въ пользованіе отъ казны (?), дозволяется симъ обывателямъ отчуждать лично и въ составѣ обществъ людямъ всякаго званія. Въ случаѣ-же неимѣнія у кого либо законнаго документа о полной принадлежности ему той земли въ собственность, для совершенія акта о ея отчужденіи требуется представленіе удостовѣренія палаты государственныхъ имуществъ въ томъ, что отчуждаемая земля не принадлежитъ къ разряду казенныхъ; во 2-хъ, предоставить правительствующему сенату пояснить, что сила настоящаго постановленія распространяется и на всѣ возникшія до обнародованія онаго дѣла о старозаимочныхъ земляхъ, а потому судебныя мѣста должны пріостановить теперь-же производство всѣхъ таковыхъ дѣлъ, препроводить оныя въ подлежащія палаты государственныхъ имуществъ, съ тѣмъ, чтобы сіи послѣднія по надлежащемъ удостовѣреніи въ томъ, что означенныя земли не принадлежатъ къ разряду казенныхъ, сдѣлали отъ себя распоряженіе объ окончательномъ прекращеніи всѣхъ дѣлъ сего рода“. Таково было послѣднее слово спеціальнаго закона о старозаимочныхъ земляхъ.

Что-же положительнаго внесъ этотъ послѣдній законъ въ сферу старозаимочнаго крестьянскаго землевладѣнія, уже почти до основанія потрясеннаго цѣлою массою болѣе или менѣе извѣстныхъ намъ „реформъ“ и „улучшеній быта“?

Прежде всего скажемъ, что столь важный по своему предмету законъ явился слишкомъ поздно; ошибочныя или произвольныя административныя мѣропріятія, тянувшіяся болѣе столѣтія, уже сдѣлали свое дѣло, превративъ почти повсюду исконное личное землевладѣніе въ общинное и лишивъ массы населенія и цѣлыя ихъ поболянія достоянія ихъ предковъ, обращеніемъ ихъ личной собственности въ собственность казны. Не только впрочемъ по этой, но и по другимъ причинамъ, этотъ крайне важный законодательный актъ остался безъ всякихъ послѣдствій, если не считать дан-

ной имъ юридической основы для нѣсколькихъ исковъ къ казнѣ изъ-за старозаимочныхъ земель, и оставилъ по себѣ такія-же почти недоразумѣнія, какъ и мѣропріятія предшествовавшія. Въ самомъ дѣлѣ, что гласить начальныя строки этого закона? „Всѣ вообще старозаимочныя земли военныхъ обывателей, коль скоро они принадлежать имъ на правѣ полной собственности, а не даны имъ лишь въ пользованіе отъ казны, дозволяется отчуждать“ и т. д. Тутъ недоумѣніе въ первыхъ-же строкахъ: старозаимочныя земли, какъ показываетъ самая этимологія слова,—это именно тѣ земли, которыя записались вольной заимкой и потому никакимъ образомъ уже не могли даваться „лишь въ пользованіе отъ казны“; въ виду этого простаго соображенія не легко понять истинный смыслъ этой послѣдней оговорки, если только не видѣть въ ней простой уступки въ пользу будущихъ административныхъ благоусмотрѣній, въ томъ или другомъ частномъ случаѣ.

Далѣе въ томъ-же законѣ говорится, что въ случаѣ отсутствія документовъ на старозаимочныя земли (а это отсутствіе было почти повсемѣстное) владѣльцы этихъ земель, для осуществленія своего права собственности, должны были получать „удостоверенія“ палаты государственныхъ имуществъ „въ томъ, что отчуждаемая земля не принадлежитъ къ разряду казенныхъ“, т. е., говоря иначе, владѣльцы этихъ земель отсылались за признаніемъ своихъ правъ къ тому вѣдомству, которое само, по меньшей мѣрѣ, не имѣло основательныхъ свѣдѣній по этому предмету, поэтому сперва вызывало многочисленныя дѣла „о розысканіяхъ казенныхъ земель“, а впоследствии подвергло кадастру всю харьковскую губернію, примѣненіе-же кадастра прямо показывало, что администрація не признавала за старозаимочными землями частной собственности, смѣшивала ихъ съ казенно-общественнымъ землевладѣніемъ однодворцевъ и другихъ государственныхъ крестьянъ и всегда видѣла во всякомъ крестьянскомъ владѣніи одну только казенную землю.

Практическая безслѣдность закона 1865 года могла обуславливаться и современнымъ ему нравственнымъ состояніемъ крестьянскаго населенія изъ бывшихъ военныхъ обывателей: къ этому времени оно уже значительно утратило идею права на свои земли, права, которое всегда неразлучно съ возможностью его защиты; населеніе это путемъ длинныхъ пертурбацій могло убѣдиться

въ существенномъ значеніи только идея милости начальства, которое вольно карать и миловать, а на этой ступени развитія, или, правильнѣе говоря, нравственнаго приниженія, идея права не имѣетъ для себя никакой подходящей почвы. Самое введеніе кадастра въ харьковской губерніи, занесшее почти всю массу старозаимочныхъ земель въ разрядъ казенныхъ, и на этомъ основаніи значительно измѣнившее самую систему податей, представляло слишкомъ серьезную преграду для полного и откровеннаго примѣненія къ жизни закона 21 февраля 1865 года. Безирепятственное признаніе за старозаимочными землями правъ частной собственности и поэтому значительное измѣненіе цифры поземельныхъ налоговъ измѣнило-бы установленныя при введеніи кадастра строго опредѣленныя цифры налоговъ всей губерніи. Наконецъ вполне справедливое отношеніе къ этому вопросу со стороны спеціальной администраціи осложнилось еще введеніемъ въ кадастръ такъ называемыхъ сомнительныхъ земель, т. е. такихъ, которыя внослѣдствіи могли-бы оказаться частной собственностію крестьянъ: съ этихъ земель подати также поступали, собираемымъ деньгамъ велись особые счета, а образующіяся отъ сего суммы отсылались въ кредитныя установленія съ тѣмъ, „дабы, по мѣрѣ разбора дѣлъ, обращать сіи деньги или въ пользу владѣльцевъ земель, если они присуждены будутъ въ крѣпостную собственность, или-же въ пользу казны, если земля будетъ признана казенною“. Понятно, что возвратъ въ частное владѣніе неправильно окадастрованныхъ земель, который неизбежно вынуждалъ измѣненіе въ переустановленныхъ цифрахъ поземельнаго налога по всей губерніи, а также возвратъ крестьянамъ условно собранныхъ съ нихъ суммъ, не могли иначе поступать, какъ только путемъ судебныхъ процессовъ. Но вѣдомство государственныхъ имуществъ не брало на себя почина въ вызовѣ судебной оцѣнки такъ называемыхъ сомнительныхъ земель; а сами крестьяне лично и въ составѣ обществъ также не могли съ особой надеждой обращаться по этимъ вопросамъ въ прежнія судебныя мѣста, уже и потому, что сами они находились въ попечительномъ распоряженіи того же вѣдомства государственныхъ имуществъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ законъ 1865 г. остался, можно сказать, мертвымъ, безо всякихъ замѣтныхъ практическихъ послѣд-

ствій и могъ служить формальнымъ основаніемъ развѣ только для отдѣльныхъ случаевъ въ позднѣйшей судебно-гражданской практикѣ по дѣламъ крестьянскаго старозаимочнаго владѣнія, при чемъ свое исконное добро крестьяне должны были возвращать себѣ всюю тягостію трудныхъ гражданскихъ процессовъ. Понятно, почему о такихъ процессахъ, можетъ быть за весьма ничтожнымъ исключеніемъ, почти до самаго послѣдняго времени не было даже и слышно: старозаимочныя земли по прежнему спокойно оставались за казною, а собиравшіяся съ уцѣлѣвшихъ у крестьянъ харьковской губерніи старозаимочныхъ земель поземельныя подати, установленныя простымъ административнымъ распоряженіемъ, спокойно оставались въ кассѣ специальныхъ средствъ министерства государственныхъ имуществъ.

Въ заключеніе скажемъ, что если мѣрніе государственнаго совѣта совершенно игнорировало кадастровую инструкцію, то за то и кадастровая инструкція въ свою очередь игнорировала законъ, ибо до сихъ поръ, не смотря на давнее введеніе владѣнныхъ записей, внутреннее положеніе и судьба крестьянскаго землевладѣнія въ старозаимочныхъ дачахъ осталась обусловленной и регламентированной именно различными параграфами кадастровой инструкціи, главнымъ образомъ относительно внутренней раскладки и способа взысканія поземельныхъ палоговъ.

13) Нѣкоторыя особенности бывшаго строя южно-русскаго землевладѣнія.

Полное изученіе отличительныхъ свойствъ и внутренней организаціи старозаимочныхъ дачъ и земель харьковской губерніи не возможно безъ параллельнаго изученія особенностей и порядковъ землевладѣнія въ бывшей гетманщинѣ, т. е. нынѣшнихъ полтавской и черниговской губерніяхъ; но какъ тотъ, такъ и другой предметъ остаются у насъ въ полномъ забвеніи. Намъ, южанамъ, позволительно даже удивляться, какъ много было говорено и писано объ общинномъ владѣніи въ Россіи, порой даже при нашемъ горячемъ либеральномъ участіи, и какъ мало намъ вѣдома судьба и организація мелкаго поземельнаго владѣнія въ нашихъ южныхъ губерніяхъ. Большинство мыслящихъ людей юга предвзято увлеклось

принципомъ общинности въ аграрномъ устройствѣ, безъ знанія исторіи происхожденія и реального положенія этихъ общинъ великорусскихъ губерній; точно также это большинство а priori предубѣдилось противъ начала индивидуальности въ крестьянскомъ и козацкѣмъ поземельномъ владѣніи юга, мало обращая вниманія на то, что въ дѣйствительной жизни явленія бывають нерѣдко гораздо сложнѣе, заключаютъ въ себѣ такіе разнородные элементы, что сущность ихъ трудно исчерпать какимъ нибудь абстрактнымъ началомъ. Не касаясь вопроса, на сколько великорусская община въ существѣ своемъ вызвана и обусловлена началомъ взаимной заботы всѣхъ за каждымъ и каждымъ за всѣхъ, мы позволимъ себѣ сказать, что и индивидуализмъ южнаго землевладѣнія не былъ выраженіемъ односторонняго, анти-соціального личнаго эгоизма. Религія была всепроницающимъ началомъ въ жизни южно-русскаго народа: она была для него закономъ нравственнымъ и политическимъ, опредѣляла его ежедневный бытъ, все его житейское міровоззрѣніе; отсюда то огромное число различныхъ религіозно-благотворительныхъ учрежденій, которыми на пространствѣ цѣлыхъ вѣковъ покрыта была вся территория южной Руси, каковы церковныя братства, встрѣчающіяся и теперь въ малорусскихъ поселеніяхъ харьковской губерніи. Они имѣли свои подраздѣленія по возрастамъ, поламъ и даже профессіямъ и давали жизнь цѣлому ряду другихъ учрежденій, какъ школы, богадѣльни, больницы, типографіи и дворы „братерскіе“. Не говоримъ о церкви и ея причтѣ, которые всегда и вездѣ составляли предметъ общественнаго попеченія. Все это высшія формы соціального общенія въ народной жизни, тѣмъ болѣе примѣчательныя, что въ нихъ объединялись лица всѣхъ классовъ и общественныхъ положеній, и одно ихъ существованіе способно удостовѣрить каждого, что въ южнорусскомъ народѣ, не смотря на сильное развитіе личнаго права, высоко было сознаніе нуждъ общественныхъ, и оно примѣчалось не только въ сферѣ высшихъ интересовъ, но и въ кругѣ такихъ дѣйствій, изъ которыхъ слагается и которыми поддерживается обыкновенная жизнь, и даже въ той спеціальной области землевладѣнія, разъясненію которой посвященъ нашъ настоящій трудъ. Лучшимъ доказательствомъ сего можетъ служить существованіе въ поселеніяхъ какъ гетманщины, такъ равно и Слобожанщины, на ряду съ личнымъ участково-наслѣдственнымъ зем-

завладѣніемъ, земель общественныхъ, бывшихъ предметомъ пользованія всѣхъ и каждаго. При прежнемъ обиліи земель, какъ это было въ особенности при заселеніи Слобожанщины, изъ огромной заимки, сдѣланной группою поселенцевъ, за удовлетвореніемъ земельно-хозяйственныхъ нуждъ каждаго изъ ся членовъ, оставались иногда обширныя пространства, которыя и становилась потому общественнымъ достояніемъ, находившимся въ распоряженіи всей поселившейся общины. Изъ этихъ общественныхъ земель, кромѣ пользованія ими по общему согласію и распредѣленію, выдѣлялись участки для церквей и состоящихъ при нихъ членовъ причта, равно религіозно-благотворительныхъ учрежденій, переходившіе нерѣдко во всегдашнюю собственность тѣхъ и другихъ. Эти-то общественныя земли, существовавшія на ряду съ личными наслѣдственными и получавшія то или другое назначеніе, въ общемъ составѣ и въ отдѣльныхъ частяхъ, не иначе, какъ по общему укладу и распредѣленію, и вводятъ, кажется, въ заблужденіе нашихъ общинниковъ; не умѣя справиться съ попадающимися имъ фактами общественнаго пользованія землею, на основаніи невѣрно понятыхъ частныхъ случаевъ такого рода, они силятся подорвать столь очевидный и цѣлымъ рядомъ официальныхъ данныхъ удостоверяемый фактъ личнаго участково-наслѣдственнаго нашего землевладѣнія. Указанія на существованіе земель общественныхъ и общинное ими пользованіе можно находить во множествѣ актовъ прежняго времени, относящихся къ различнымъ пунктамъ южно-русской территоріи. Намъ нѣтъ надобности приводить ихъ; это дѣлаютъ и сдѣлаютъ за насъ наши противники, мы-же ограничимся указаніемъ здѣсь, какъ на обще-извѣстное явленіе въ минувшей жизни южно-русскаго народа, на такъ называемыя „малороссійскія вольницы“. Теперь они представляютъ, скажемъ словами автора одной статьи о нихъ¹⁾), „жалкіе остатки вѣкогда обширныхъ недвижимыхъ имуществъ, составившихъ собственность городскихъ и сельскихъ корпорацій старой Малороссіи“. По мнѣнію этого автора, „малороссійскія вольницы составляютъ категорію земель, совершенно соответствующую англійскимъ open fields“... Онъ приводитъ въ примѣръ одно село, гдѣ эта вольница является общиннымъ

¹⁾ «Новое Время» на 1880 г., № 1452, ст. «Малорусскія вольницы».

имуществомъ не однихъ только крестьянъ, но также и всѣхъ другихъ живущихъ здѣсь сословій, и затѣмъ продолжаетъ: „почти каждое старинное малороссійское село имѣло въ древности свою вольницу. Эти вольницы оставлены намъ прошедшими поколѣніями, какъ готовое рѣшеніе вопроса о народномъ образованіи, о призрѣніи, объ общественныхъ сооруженіяхъ и т. п. въ тѣхъ селеніяхъ, которымъ принадлежатъ вольницы. Распространеніе великорусскихъ взглядовъ на общественныя отношенія Малороссіи и неразлучное съ ними уничтоженіе самоуправленія отдѣльныхъ сословныхъ общинъ еще въ XVIII вѣкѣ способствовали расхищенію вольницъ, этого имущества сословной малороссійской общины. На долю текущаго столѣтія осталось уже немного изъ этого некогда великаго общественного капитала... Но межовымъ законамъ, сохранившимися по настоящее время вольницы дѣлятся между владѣльцами пропорціонально... владѣмому ими недвижимому имуществу“... „Теперь, говорить тотъ-же авторъ, намъ трудно судить, въ какой мѣрѣ эти вольницы восполняли тѣ или другіе недостатки начала личнаго землевладѣнія и служили-ли они какимъ-либо фондомъ для безземельныхъ“; мы же прибавимъ отъ себя, что принципъ общности относительно этихъ земель выдерживался строго и существованіе въ самой Слобожанщинѣ людей безземельныхъ, на что мы въ свое время указывали, служить лучшимъ тому доказательствомъ. Категория земель общественныхъ существовала еще въ 30-хъ годахъ нашего столѣтія даже въ черниговской губерніи, гдѣ, какъ говоритъ авторъ статьи того времени, кромѣ небольшого количества собственно козацкихъ общественныхъ земель, „они имѣютъ еще и такія общественныя земли, въ коихъ участвуютъ обыватели другихъ сословій, вмѣстѣ съ ними жительствоующіе въ селеніяхъ, которые по большей части не допускаютъ козаковъ наравнѣ съ собой пользоваться оными землями. Прежде козаки имѣли пространныя общественныя земли, такъ называвшіяся вольницы, но онѣ всѣ почти перешли во владѣніе другихъ сословій“¹⁾.

¹⁾ Общее обозрѣніе мѣста жительства козаковъ въ черниговской губерніи, составленное въ 1838 году черниговскою попечительною надъ козаками конторою. «Земскій Сборникъ черниговской губерніи», 1877 г., № 5—8.

Особенности характера и порядка южнорусскаго землевладѣнія вызывали особыя трудности въ примѣненіи къ южно-русскимъ мѣстностямъ общихъ межевыхъ инструкцій и требовали, да и нынѣ требуютъ, особыхъ правилъ межеванія, строго согласованныхъ съ историческимъ характеромъ южно-русскаго землевладѣнія. Мы представимъ здѣсь нѣсколько данныхъ изъ области прошлаго, относящихся къ указанному сейчасъ обстоятельству. Въ своемъ мѣстѣ мы говорили объ обмежеваніи нѣсколькихъ старозаимочныхъ дачъ харьковской губерніи, еще въ 1770—1780 годахъ. Какъ ни трудно давалось тогда генеральное межеваніе этой губерніи, но оно окончилось еще при Екатеринѣ II. Иначе было съ землями бывшей гетманщины; межеваніе ихъ, не смотря на всю объединительную энергію центральнаго правительства, замедлилось почти до позднѣйшаго времени. Мы не можемъ представить себѣ другой причины для объясненія этого факта, какъ то, что правительство того и послѣдующаго времени имѣло неодинаковый взглядъ на одинъ и тотъ же предметъ въ двухъ смежныхъ мѣстностяхъ: въ мѣстности бывшихъ слободскихъ полковъ оно не усмотрѣло, какъ мы въ своемъ мѣстѣ указывали, особенностей аграрнаго строя и нашло возможнымъ при обмежеваніи оной примѣнить къ ней вполне межевую инструкцію, составленную для земель казенно-общественныхъ вообще и для четвертаго владѣнія великорусскихъ однодворцевъ въ частности,—въ территоріи бывшей гетманщины оно поступаетъ съ большею осмотрительностію, быть можетъ по настоянію тамошнихъ чиновъ, и отъ того дѣло межеванія здѣсь затягивается и ведется на другихъ основаніяхъ. Еще въ 1781 г., въ указѣ тогдашнему малороссійскому генераль-губернатору графу Румянцеву-Задунайскому, императрица Екатерина возвѣщала: „о межеваніи въ губерніяхъ кievской, черниговской и новгородъ-сѣверской для успокоенія цѣлости имѣній тамошняго дворянства и прочихъ чиновъ народныхъ, соизволеніе наше въ свое время послѣдуетъ“. Но только въ началѣ царствованія Александра I, по представленію малороссійскаго генераль-губернатора князя Куракина, объ учрежденіи въ малороссійскихъ губерніяхъ генеральнаго межеванія, указомъ 1803 г. 10 апрѣля, повелѣно было учредить особый комитетъ для обсужденія вопроса и составленія инструкціи, „мѣстному того края положенію соотвѣтствующей“, генеральнаго межеванія Малороссіи.

Въ числѣ существенныхъ основаній для межеванія этихъ земель было между прочимъ признано необходимымъ: межевать земли не къ именамъ владѣльцевъ, а къ именамъ мѣстечекъ, сель и деревень, разрѣшать поземельные споры, кромѣ различныхъ письменныхъ документовъ (между прочимъ и на основаніи гетманскихъ универсаловъ), также и по свидѣтельскимъ показаніямъ и по десяти-лѣтней давности владѣнія, на основаніи статута литовскаго не требовать документовъ отъ землевладѣльцевъ, владѣнія которыхъ не подвергались спору при межеваніи губерній... размежевать поземельную собственность: дворянъ, гражданъ, людей духовнаго званія, козаковъ и прочихъ, какъ бы мало ни состояло за ними земель ¹⁾...

Проекты, инструкціи и правила межеванія были предметомъ одновременныхъ канцелярскихъ обсужденій и справокъ въ продолженіе болѣе полувѣка, между тѣмъ объединеніе Малороссіи въ административномъ отношеніи ушло такъ далеко впередъ, что новое обсужденіе межеваго вопроса въ 1853 г. привело правительство къ убѣжденію, что „мѣры, изложенныя въ прежней инструкціи при настоящемъ устройствѣ малорусскихъ губерній, примѣнены быть не могутъ“.

Начались новыя соображенія о размежеваніи черниговской и полтавской губерній, а спустя пять лѣтъ указаны были новыя основанія этого дѣла отъ бывшаго въ то время управляющаго межевымъ корпусомъ, вполнѣдствіи графа М. И. Муравьева. Эти основанія заключались въ слѣдующемъ: „межеваніе Малороссіи производить согласно высочайшему повелѣнію (отъ 27 января 1858 года) по настоящему безспорному владѣнію; при разрѣшеніи споровъ принимать главнымъ основаніемъ десятилѣтнюю давность владѣнія до состоянія указа объ открытіи межеванія; казенную и частную собственность, съ небольшими исключеніями, подчинить одинаковымъ условіямъ; въ одно время съ генеральнымъ производить и спеціальное межеваніе, сообразно мѣстнымъ условіямъ края и дѣйствующимъ законамъ, принимая за главное основаніе полюбовное межеваніе; а такъ какъ оно, при дробности владѣній и но особенной привязанности владѣльцевъ къ своимъ угодьямъ въ Малороссіи, будетъ затруднительно и болшею частію почти невоз-

¹⁾ Прававленіе къ 15 № «Черн. Губ. Вѣд.», 1864 г., апрѣля 12.

можно, то установить правила для обязательнаго межеванія, опредѣливъ поземельныя единицы, при которыхъ землевладѣльцы обязаны будутъ вымеживаться въ отрубныя дачи единственнаго владѣнія, и при которыхъ они могутъ остаться въ общихъ смѣнахъ, и наконецъ проектировать межевыя учрежденія для веденія межеванія и наблюденія за правильнымъ его ходомъ, составивъ ихъ изъ представителей разныхъ сословій и межевыхъ чиновъ, при чемъ губернскія и межевыя учрежденія должны быть судебными и вмѣстѣ административными мѣстами, а уѣздныя—только административными⁴⁾. 19 октября 1859 года было высочайше утверждено положеніе о размежеваніи Малороссіи на вышеизложенныхъ началахъ. Положеніе это не коснулось харьковской губерніи, въ которой землевладѣніе, такъ много сходное по своему историческому происхожденію и характеру, имѣло свою особую, намъ уже извѣстную судьбу.

Эта вообще малоотрадная, какъ мы видѣли, судьба представляетъ еще одну особенность, которой не можемъ не отмѣтить въ заключеніе нашего о ней изслѣдованія. Какъ можемъ примѣчать по судьбѣ крестьянскаго землевладѣнія въ послѣдніе годы въ ахтырской дачѣ, въковая путаница понятій въ этомъ жгучемъ жизненномъ вопросѣ, хотя успѣла выдѣлится въ самомъ крестьянскомъ обществѣ извѣстный процентъ, недоброжелательно относившійся къ участково-наслѣдственному землевладѣнію и видѣвшій свой прямой интересъ въ общемъ раздѣлѣ всей крестьянской земли на души, но не убило въ немъ окончательно традиціоннаго и фактическаго представленія объ неконномъ въ здѣшней мѣстности характерѣ и порядкѣ землевладѣнія, а только внесла въ самую сердцевину крестьянскаго общества аграрный антагонизмъ, пробуждающійся при каждомъ новомъ случаѣ столкновенія двухъ противоположныхъ теченій. Любопытный и поучительный фактъ этой внутренней борьбы представляетъ намъ „заявленіе“ нѣсколькихъ десятковъ крестьянъ, владѣльцевъ старозаимочныхъ земель, поданное въ ахтырское волостное правленіе въ 1869 г., когда начались приготовительныя работы по выдачѣ владѣнныхъ записей на крестьянскія земли. Вотъ фактъ, какъ оны изложено въ этомъ заявленіи. По распоряженію мирового посредника 1-го участка ахтырскаго уѣзда, 1 іюня 1869 г. было собрано крестъ-

⁴⁾ Приб. къ 15 № «Черн. Губ. Вѣд.».

явское общество при ахтырскомъ волостномъ правленіи въ числѣ 607 человекъ; мировой посредникъ предложилъ собравшимся составить приговоръ о согласіи крестьянъ на выкупъ своихъ земель и получить владѣнія записи... Бывшіе въ сборѣ, преимущественно безграмотные и безземельные, изъявили согласіе на выкупъ земель и другихъ угодій, раздѣливъ земли на души, о чемъ и написанъ того числа приговоръ. Легко понять, какую бурю долженъ вызвать этотъ приговоръ въ душахъ тѣхъ, которые владѣли землями по наследственному праву, и какую борьбу они должны были пережить, пока написали и представили слѣдующія простыя строки: „какъ-же владѣемъ нами на правѣ собственности земли и прочія угодья есть предковскія, старозаимочныя, переходяція изъ роду въ родъ по наследству и приобрѣтенныя покупкою отъ разныхъ лицъ... слѣдовательно земли наши не составляютъ ни казенной, ни общественной принадлежности... и сего-же рода землями владѣютъ череполосно съ нами дворяне, чиновники, купцы, мѣщане и цеховые на правахъ собственности, и таковыя земли выкупу не подлежатъ, какъ составляющія собственность того, кто ими владѣетъ..., а потому и приговоръ, составленный бывшимъ въ сборѣ 1 іюня 1869 г. обществомъ изъ 607 душъ есть неправильный“... Потянулась борьба на долгіе годы и трудно въ ней безусловно оправдывать или обвинять какую-либо сторону: на сторонѣ земельныхъ были исторія и право, а незадолго передъ этимъ высказался за нихъ и законъ (783 ст. 2 прим. по продолж. 1868 г. X т., I ч.); но за то на сторонѣ безземельныхъ была, можно сказать, вѣковая административная практика и цѣлый рядъ мѣръ, прямо или косвенно вводившихъ или вызывавшихъ общинное землевладѣніе. Первоначальный исходъ борьбы имѣлъ двойственный характеръ: крестьянскія земли ахтырской дачи остались фактически „на прежнемъ основаніи“, т. е. въ видѣ участково-наследственного владѣнія, но ахтырское сельское общество все таки получило общую владѣнную запись на свои старозаимочныя земли. Не смотря на то, оно продолжало, чрезъ избранныхъ изъ своей среды повѣренныхъ, ходатайство въ административномъ порядкѣ объ исключеніи старозаимочныхъ его земель изъ оклада кадастровой и государственной оброчной подати, и хотя ходатайство это вначалѣ не было удовлетворено и мѣстное управленіе государственныхъ имуществъ предоставило ему

отыскивать свои права на земли, находящіяся въ оцѣнѣ (т. е. въ кадастрѣ) судебнымъ порядкомъ, но въ концѣ это громкое дѣло, подъ названіемъ ахтырскаго, было рѣшено гражданскимъ кассационнымъ департаментомъ сената въ пользу крестьянъ.

14) Нѣкоторыя общія черты козачьяго землевладѣнія полтавской и черниговской губерніи и старозаимки въ губерніи харьковской.

По общности происхожденія и прежней судьбы козачьяго землевладѣнія бывшей гетманщины съ старозаимочными землями харьковской губерніи считаемъ умѣстнымъ закончить сводъ матеріаловъ для исторіи послѣднихъ нѣкоторыми общими чертами въ судьбѣ первыхъ.---Здѣсь также, какъ и въ исторіи старозаимки, ярче выступаютъ заботы объ упорядоченіи землевладѣнія и обеспеченіи поступающихъ съ земли государственныхъ доходовъ, чѣмъ судьба самаго землевладѣнія. Тѣ немногіе факты, которыхъ мы хотимъ здѣсь коснуться, относятся къ позднѣйшему времени, по они дорисовываютъ общую картину пертурбацій въ южно-русскомъ землевладѣніи и уясняютъ нѣкоторыя изъ перипетій, которыя прошло старозаимочное землевладѣніе харьковской губерніи. „Попеченіе о благосостояніи малороссійскихъ козаковъ“ появляется въ то позднее время, когда главный источникъ ихъ благосостоянія волею судебъ значительно поизсякъ, когда историческій строй ихъ жизни путемъ переменъ въ судьбѣ дѣлаго края былъ разшатавъ и измѣненъ, а земельная собственность ихъ въ большей части перешла въ руки выродившагося изъ ихъ же среды дворянства. Въ 1834 г. учреждена была главная хозяйственная контора для малороссійскихъ козаковъ и изданъ особый уставъ для управленія ими, подъ главнымъ надзоромъ черниговскаго, полтавскаго и харьковскаго генераль-губернатора. Главная контора находилась въ Полтавѣ; ей подчинены были мѣстныя попечительныя конторы, которыхъ въ одной черниговской губерніи было четыре. „Записки“ этой конторы ¹⁾ и дадутъ намъ нѣкоторое понятіе о по-

¹⁾ См. Земск. Сборникъ черниг. губ. 1877 г.

рядкахъ козачьяго землевладѣнія въ эту и ближайшую къ ней эпоху. Изъ нихъ мы видимъ, что хотя законъ признавалъ поземельное владѣніе козаковъ на правахъ собственности, но особымъ указомъ 25 іюня 1832 г. право распоряженія наследственными землями было для нихъ ограничено запрещеніемъ продавать эти земли лицамъ другихъ сословій, „дабы эти потомственные земли навсегда оставались козачьими, даже и въ томъ случаѣ, если-бъ владѣльцы ихъ службой или инымъ образомъ приобрѣли права другаго сословія“... „Земли козаковъ, говорится въ названномъ источникѣ, составляющія частную отдѣльную собственность каждаго изъ нихъ, доселѣ не были приводимы въ извѣстность никакимъ измѣреніемъ, и пространство ихъ опредѣлялось самымъ первобытнымъ способомъ: количествомъ высѣваемаго хлѣба, или числомъ косарей“. Общій хозяйственный порядокъ въ козачьихъ земляхъ былъ такой-же, какъ и въ старозаимочныхъ дачахъ харьковской губерніи: они дѣлились на 3 руки, или поля—озимое, яровое и толоку или царь. „По неприведеніи въ извѣстность количества земли, состоящей во владѣніи козаковъ, и по невозможности отъ сего разложить подати между козаками съ болѣею уравнительностію, по мѣрѣ земли каждымъ владѣемой, для облегченія ихъ тѣмъ же указомъ велѣно было взимать и здѣсь съ каждой ревизской души по 2 р. с., включая въ сію сумму 55 коп. сер. за право вольной продажи вина. Полный же окладъ съ ревизской души, считая тутъ и другія повинности, а также погашеніе податной недоимки, былъ опредѣленъ въ 12 руб. 2 коп. ассигн.“. Такіе мотивы системы налоговъ на козачье сословіе черниговской и полтавской губерніи значительно уясняютъ и причины принудительнаго дѣлежа старозаимочныхъ земель харьковской губерніи по ревизскимъ душамъ. Тамъ администрація имѣла еще передъ собою наличный фактъ—особое козачье сословіе, характеръ землевладѣнія котораго на правѣ собственности ясно былъ указанъ закономъ. Здѣсь-же козачье сословіе давно было упразднено, а между тѣмъ его личное и потомственное землевладѣніе также не было опредѣлено ни фактически, ни количественно у каждаго владѣльца; вотъ почему душевая система податей въ Харьковщинѣ, падая на полное имущественное неравенство населенія, и влеча за собою постоянно возрастающую массу недоимокъ, вызвала такъ рано соблазнъ простаго противоядія—уравнительный раздѣлъ земель.

Внутренняя раскладка общаго сбора въ населеніи козаковъ полтавской и черниговской губерній до 1833 г. предоставлена была, какъ и у крестьянъ—старозаимочныхъ владѣльцевъ харьк. губерніи, самимъ обществамъ, а съ 1833 г. козацкіе общества обязаны были распредѣлять подати соотвѣтственно количеству земли у каждаго члена и „сообразно другимъ принятымъ между козаками мѣстнымъ правиламъ“, при чемъ за всѣхъ почему-либо выбывшихъ, но изъ оклада не исключенныхъ, а также и за несостоятельныхъ, подати должны были разлагаться „согласно тѣмъ-же правиламъ и обычаямъ на наличныхъ плательщиковъ“. Такимъ образомъ круговая порука въ извѣстной степени не миновала даже и козацкихъ обществъ.

Окладные листы составлялись на цѣлыя общества, а иногда на каждое село отдѣльно. Отсюда видно, что ни распредѣленіе податей по отдѣльнымъ статьямъ, ни внутренняя ихъ раскладка въ самыхъ обществахъ не были вполне согласованы съ началомъ личной собственности, ибо допускалась круговая порука и благоусмотрѣніе большинства членовъ общества.

На сколько далека была даже признанная закономъ личная собственность малорусскихъ козаковъ отъ того опредѣленія, которое сдѣлано ей въ X т., можно видѣть изъ того, что не только всѣ общія земскія натуральныя повинности отбывались одними только козаками и казенными крестьянами черниговской губерніи, но даже „самые сѣнокосы козаковъ отдавались въ распоряженіе командъ проходящихъ съ лошадьми безо всякаго вознагражденія“, а въ случаѣхъ пожаровъ погорѣвшіе козаки, по распоряженію главной хозяйственной конторы, помѣщались квартирами у своихъ сосѣдей.

Черезполосность козацкихъ земель съ землями другихъ сословій—явленіе и здѣсь повсемѣстное, такъ какъ козацкіе земли были большею частію одного происхожденія съ старозаимочными землями харьковской губерніи, и одинаковую съ ними испытывали судьбу, то отъ вторженія элемента пришлаго, то отъ выдѣленія членовъ козацкой среды въ другія сословія.

Одинаково и здѣсь, не смотря на прежнее обиліе земли, примѣчается постепенное увеличеніе въ козацкомъ населеніи процента безземельныхъ. Въ концѣ 30 годовъ всѣхъ козаковъ черниговской губерніи считалось по даннымъ послѣдней ревизіи 197,800 душъ мужскаго пола, изъ нихъ безземельныхъ числилось 16,546 душъ

(8,273 семьи), что составляетъ около 8% на все населеніе. И причины обезземеленія и вообще обѣдненія козаковъ были въ большей части тѣ-же, что привели къ обѣдненію населенія б. слободскихъ полковъ и постепенному превращенію свободныхъ войсковыхъ обывателей въ крѣпостныхъ людей. Тотъ-же источникъ, изъ котораго мы заимствуемъ всѣ эти свѣдѣнія, довольно откровенно говоритъ о той борьбѣ, какая существовала тогда между мѣстными органами общей администраціи, бывшей подъ сильнымъ вліяніемъ крѣпостныхъ интересовъ, и специальными вѣдомствами козаковъ и казенныхъ крестьянъ, и которая тяжело отзывалась на положеніи этихъ послѣднихъ,—не скрываетъ и того, что само попечительное о козакахъ вѣдомство не приносило имъ никакой пользы. Чрезвычайные расходы по снаряженію козачьихъ полковъ въ 1812 г., простиравшіеся, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, по одной черниговской губерніи, до 16 милліоновъ и вызвавшіе усиленную продажу козаками своихъ земель, были конечно явленіемъ исключительнымъ, какъ и наступившій голодъ 1820 и 1821 года; въ обыкновенное-же время дѣйствовали постоянныя причины, которыя „Записки“ конторы, послѣ повсемѣстнаго давленія крѣпостнаго права, указываютъ въ самой системѣ податей и способѣ ихъ взисканія, которые съ одной стороны увеличивали пролетаріатъ, а съ другой заставляли самыхъ богатыхъ козаковъ, въ виду круговой поруки, выселяться въ другія мѣстности, что еще болѣе обременяло платежныя средства оставшихся на мѣстѣ людей средняго и малаго достатка.

Всѣ эти и многія другія, еще невѣдомыя намъ данныя, общія какъ б. гетманщинѣ, такъ и харьковскому старозаимочному землевладѣнію, необходимо брать въ расчетъ, дабы при опредѣленіи теперь % безземельныхъ, хотя-бы въ козачьемъ сословіи бывшей гетманщины, а также и въ тѣхъ старозаимочныхъ дачахъ харьковской губерніи, гдѣ еще сохранилось мелкое личное землевладѣніе крестьянъ, не отнести причину народженія этой безземельной массы исключительно на счетъ начала самой природы мелкой земельной собственности. Психическая сторона вліянія на массоваго человѣка личнаго и общиннаго землевладѣнія при данныхъ условіяхъ происхожденія, исторіи и обстановки того и другаго, у насъ еще совсѣмъ не выяснена. Если мы не можемъ слишкомъ тѣсно понимать „зоологическую мораль“ человѣка, всецѣло состоящаго во власти

земли на общинномъ порядкѣ, то мы также не должны обходить вниманіемъ и прямого указанія даже сухой официальной записки на многія симпатичныя стороны въ характерѣ людей, которые привыкли имѣть свое добро и ясно отличать его отъ добра ближняго.

На этомъ оканчиваемъ нашъ, можетъ быть, очень длинный, но, смѣемъ думать, не бесполезный сводъ матеріаловъ для исторіи землевладѣнія въ харьковской губерніи. Дополнительные свѣдѣнія объ этомъ весьма важномъ предметѣ, какія частію собраны нами, по окончаніи настоящей статьи, частію имѣются еще въ виду, а равно и заключительные изъ всего сказаннаго выводы, мы надѣемся въ послѣдствіи представить, если позволятъ обстоятельства.

А. Л. Шимановъ.
